

Павел Назаров

БЕГСТВО ИЗ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Павел Назаров

Бегство из Центральной Азии

«Раритет»

1932

Назаров П. С.

Бегство из Центральной Азии / П. С. Назаров — «Раритет», 1932

ISBN 978-9-96-745530-6

В книге воспоминаний Павла Назарова «Бегство из Центральной Азии» повествуется о сложном для Туркестана времени Гражданской войны начала XX столетия. Автор – русский геолог и натуралист был одним из руководителей восстания против большевиков в Туркестане. О его восприятии событий и о трудном пути к спасению рассказывается в этой книге. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-9-96-745530-6

© Назаров П. С., 1932

© Раритет, 1932

Содержание

Павел Степанович Назаров и время перемен	5
Предисловие	7
Глава I	10
Глава II	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Павел Степанович Назаров Бегство из Центральной Азии

Павел Степанович Назаров и время перемен

Нет ничего хуже, чем жить в эпоху великих перемен.
Конфуций

Книга «Hunted Through Central Asia», названная в переводе «Бегство из Центральной Азии», была создана русским геологом и натуралистом Павлом Степановичем Назаровым, человеком с очень сложной судьбой. В ней он описывает свое пребывание в Туркестане в течение приблизительно шести лет – с осени 1918 до лета 1924 года.

Для России и народов Средней Азии это было время великих перемен. Закончилась Первая мировая война, Россия прошла через революцию, и на просторах бывшей Российской Империи шла кровопролитная Гражданская война. Британские войска вторглись на территорию Туркестана в районе Ашхабада, оказав вооруженную поддержку антисоветским силам в регионе, и в это же время в Ташкенте запыхал мятеж, целью которого являлось отстранение от власти большевиков.

Павел Назаров был не только свидетелем этих событий, но и активным их участником. В сообщении от 29 октября 1918 года Туркестанская чрезвычайная следственная комиссия указывала, что «антисоветский заговор охватывает всю территорию края; руководящие члены заговорщической организации – брат известного монархистского генерала Корнилова – П. Г. Корнилов, командир отряда оренбургских казаков И. М. Зайцев, бывший комиссар Временного правительства в Ташкенте адвокат А. Д. Арсеньев вели работу по мобилизации Белой гвардии и активно привлекали к антисоветскому движению басмачей. В дальнейшем стало известно, что во главе «Туркестанской военной организации» стояли генерал-лейтенант Л. Л. Кондратович, инженер П. С. Назаров (намечавшийся на пост премьер-министра будущего «правительства Туркестана»), бывший помощник генерал-губернатора Туркестана гене-

рал Е. Джунковский, полковник Блаватский и некоторые деятели буржуазно-националистического движения»¹.

Причастность Назарова к антибольшевистскому мятежу подтверждает и известный английский разведчик полковник Фредерик Маршман Бейли, который был лично знаком с Павлом Степановичем по Ташкенту. В «Отчете Кашгарской Миссии, 1918–1920» он пишет: «Вскоре после моего прибытия я вступил в контакт с тем, кто, как я думал, был главой нескольких антибольшевистских организаций <...>. Самая большая организация антибольшевистского типа возглавлялась генералом Кондратовичем, но настоящим ее главой был мистер Назаров. Они сказали мне, что в их организации 3000 русских и что в нее входит Иргаш с 15 000 туземцев».

После подавления белого мятежа Павел Назаров сначала скрывался в горах, затем в городе Пишпек (нынешний Бишкек) и далее в китайском Кашгаре. В августе 1924 года, избегая выдачи советским властям, он предпринял еще одно сложное, полное опасностей двухмесячное путешествие через Гималаи в Кашмир и Индию, которое он описал во второй книге «MOVED ON! From Kashgar to Kashmir», изданной в Лондоне в 1935 году.

Позже он работал геологом во многих южноафриканских компаниях, преподавал в университетах Кейптауна, Претории, Блумфонтейна. Скончался Назаров в Йоханнесбурге в 1941 или 1942 году.

Книга Павла Назарова, которая публикуется здесь в переводе с английского языка, была издана в Лондоне в 1932 году. И по понятным причинам у нас о ней не было известно более 80 лет. На русском языке книга издается впервые.

История Гражданской войны в СССР – одна из самых драматичных страниц в мировой истории. О том, на чьей стороне, красных или белых, была правда, можно долго спорить. Какой могла быть альтернативная история, по какому сценарию она могла бы развиваться – трудно судить. Но в условиях демократии события рассматриваются с позиции общечеловеческих ценностей, и для получения объективной оценки мы должны знать мнение участников обеих противоборствующих сторон. Одну из них и представляет писатель и ученый Павел Степанович Назаров.

Кемелбек Кожомкулов, историк

¹ Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). – М.: Политиздат, 1975.

Предисловие

Уже второе издание за рубежом переживает книга Павла Назарова «Hunted Through Central Asia». У нас она мало известна широкому читателю, но ее автор тесно связан с историей нашей республики и в частности с городом Пишпекком, где ему пришлось провести почти год, скрываясь от преследований большевистской власти.

Павел Степанович Назаров родился в 1863 году в глубоко религиозной семье староверов. Его отец был городским головой, или, как бы теперь назвали эту должность, был мэром города Оренбурга. Назаров закончил зоогеографический факультет Московского университета и прошел специализацию горного инженера в Санкт-Петербургском горном институте. Он был действительным членом Русского минералогического и географического обществ. В течение нескольких лет Назаров путешествовал по Кавказу и Уралу. Но главное его дело было начато в Туркестане. В 1886 году в возрасте 23 лет он опубликовал первую научную работу «Зоологические исследования Киргизских степей», более века сохраняющую интерес для специалистов. Свыше двадцати лет своей жизни он посвятил геологическому изучению Тянь-Шаня. Здесь им были открыты несколько месторождений меди, серебра, угля и нефти. Он создал товарищество «Назаров и К^о», которое разрабатывало угольные копи в районе Таш-Кумыра и в урочище Джиды-Булак под Ляйляком, содержало промыслы и несколько хлопкоочистительных заводов. Назаров уделял большое внимание проблемам огородничества, внедрил в местную культуру выращивание арахиса и производство из него масла, за что был награжден золотой медалью. Он обладал энциклопедическими познаниями в орнитологии, археологии, ботанике, в совершенстве знал тюркские языки, был великолепным охотником. У него была большая коллекция ружей из многих стран, и при случае он становился экспертом по баллистике, давал профессиональные рекомендации в разных областях знаний.

Карьера горного инженера Назарова была прервана Октябрьской революцией. В октябре 1918 года его арестовали в Ташкенте как лидера контрреволюционного движения. Из тюрьмы его освободили во время белого мятежа, после подавления которого Назаров скрылся в горах. После революции он потерял все: горные предприятия, библиотеку, коллекцию минералов и руд, свои дневники. Убегая, он захватил с собой только две книги по геологии, которые заменили ему приключенческие романы.

Он великолепно знал языки и обычаи киргизов, казахов и узбеков. Среди них у него было много друзей, которые прятали его от агентов ЧК и помогали преодолеть невзгоды жизни среди дикой природы.

С августа 1919 года Павел Степанович Назаров жил в Пишпек. Здесь под именем Николая Ивановича Новикова он работал инженером по исследованию гидротехнических условий Семиречья.

К сожалению, в представленной книге мало написано о людях и достопримечательностях города Пишпек, но как точно передана им духовная атмосфера того времени! Также замечательны описания ближайших окрестностей города, рек и горных ущелий Чуйской долины.

18 мая 1920 года Назаров покинул Пишпек. Официально он отправился в очередную изыскательскую экспедицию в сторону Балхаша. На самом деле его тройка лошадей, управляемая джигитом Азамат Бекком, направилась в противоположную сторону – на юг через Нарын к китайской границе.

Во время вынужденного путешествия по Тянь-Шаню Назаров продолжал геологические исследования. Рядом с дорогой он находил руду оловянного камня и киновари, обнаруживал золотые россыпи в реках. Здесь же он намывал драгоценные камни, сапфиры и топазы. «Что это за богатая страна, – писал он, – где человек, даже спасая свою жизнь, случайно натывается на рудные месторождения!»

Следующие четыре года Павел Назаров провел в Кашгаре, тщетно надеясь, что большевистская власть скоро будет свергнута и он вернется к своей семье и к собственности в России. Но жену он больше никогда не увидит, ее таинственная судьба и сей день скрыта в пыльных архивах ЧК.

В 1924 году после формального признания Китаем Советской России агенты ЧК усилили свое влияние в приграничных странах. Назарова предупредили из Ташкента о том, что за ним следят, и он ушел в Индию через высокие перевалы Каракорума, а оттуда уехал в Англию. Дальнейшая его жизнь была связана с Черным континентом. В бушах экваториальной Африки Назаров работал геологом, не оставляя своих увлечений зоологией и археологией. Он умер в 1942 году. Его имя значится в Книге выдающихся граждан ЮАР.

«Бегство из Центральной Азии» П. С. Назарова – прекрасный документ, дополняющий знания читателя по геологии, археологии, истории региона, она повествует о драматических событиях в Средней Азии в начале XX века, очевидцем и летописцем которых стал замечательный ученый. Перед нами не обычное повествование о путешествии. На страницах книги – мастерски изображенные картины природы, дикие звери, птицы, растения, интересные профессиональные наблюдения над геологией региона. Книга представляет интерес и для археологов, и для этнографов, а также для специалистов в области естествознания.

Автор открывает читателям удивительно красивую горную страну и воссоздает не менее замечательную ее историю.

Предвосхищая работы Льва Гумилева, Павел Назаров дал высокую оценку цивилизации кочевников. Он писал: «Свобода и мобильность кочевников выработали их своеобразную культуру, характер и образ жизни и сыграли очень важную роль в истории Азии, еще не оцененную историками и недостаточно изученную. Кочевники глубоко повлияли на судьбу России; и даже Западная Европа, без сомнения, не избежала их влияния. Жгучие пески Египта, долины Месопотамии, Палестины (мириады всадников Гога и Магога) и Индии, долины России и Центральной Европы, даже Шалонская и Каталонские долины Франции, Эллада, а также и Рим – все видели предков наших сегодняшних киргизов, хотя и под другими именами, такими как скифы или массагеты, гунны, половцы, кипчаки, куманы, печенег, аланы, татары и т. д. Везде их вторжение оставило следы, не только разрушительные; иногда они изменяли вектор исторического развития и повлияли на кровь, язык, характер, поведение и обычаи народов, с которыми они входили в контакт. Как норманны в свое время распространили свое влияние на культуру Запада, используя морские просторы, так и номады степей Азии сделали то же самое на Востоке».

Эта исключительно интересная книга продолжает литературную традицию, начатую в середине XIX века П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, и достойна быть в одном ряду с классической литературой о путешествиях.

И еще один очень важный момент. Книга написана представителем той старой России, которой уже нет, и свидетельствует о страшных событиях начала XX века. Подобных документов сохранилось немного, о регионе Туркестана их фактически нет. Время конца двадцатых – начала тридцатых годов XX века советскими историками описывалось достаточно тенденциозно и однобоко, потому книга Назарова позволяет дать объективную оценку многим событиям этого сложного периода истории. Автор убедителен, и читателю становится понятным его неприятие большевистской власти и резко критическое отношение к ее представителям, но в то же время обычные люди описаны им с большой любовью и пониманием.

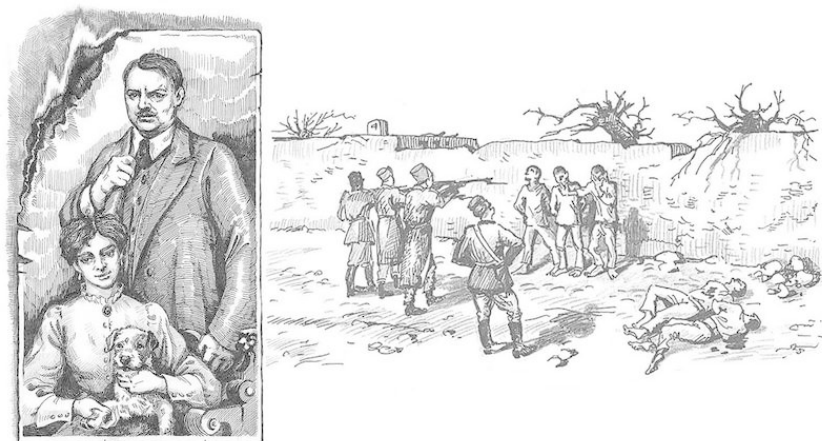
История возникновения книги Павла Назарова не менее интересна. Около двух лет его большим другом и соратником по работе в Экваториальной Африке был Малькольм Берр – писатель и переводчик. Из бесед вечерами у лагерного костра он узнал историю удивительной одиссеи Павла Назарова и порекомендовал записать воспоминания, а затем сам перевел и издал в 1932 году на английском языке книгу своего друга. Мы не знаем, сохранился ли русский вариант рукописи Павла Назарова. Неизвестно, как называлась эта книга на русском языке. Мы ее называли «Бегство из Центральной Азии». Возможно, когда-нибудь рукопись будет найдена, тогда станет понятно, насколько приближен к оригиналу перевод с английского языка яркой прозы Павла Назарова.

В полном варианте английское название книги имеет дополнение «On the run from Lenin's Secret Police» – «Бегство от ленинской тайной полиции», что отражает приключенческий характер повествования. Увлекательные страницы книги Павла Назарова, несомненно, доставят удовольствие также любителям детективного и приключенческого жанров литературы.

И еще несколько замечаний. Опасаясь за жизнь своих друзей и соратников, автор наделял героев книги вымышленными именами или просто обозначал их первыми буквами имени. Описывая народ Туркестана, Павел Назаров, не различая казахов и кыргызов, почти всегда называл их одним этнонимом – «киргиз», узбеков и таджиков он называет сартами, как это было принято в царской России. Некоторые специфические термины в английском варианте книги приводятся на русском или тюркских языках в транскрипции на латинице и выделены курсивом, например: *burjuı*, *Ak Padsha*, *aul*, *kese*. При переводе они даются на русском языке, но выделяются кавычками. Сохранены и обозначены курсивом авторские латинские определения флоры и фауны. Английские единицы измерений переведены в метрическую систему. Все даты сохранены в авторском варианте и относятся к старому стилю.

Владимир Петров, переводчик

Глава I В ожидании казни

Мои приключения начались в конце августа 1918 года. Однажды тихим ташкентским вечерком я сидел в своем кабинете, набивая патроны для предстоящей бекасиной охоты. И тут с улицы донеслись звуки подъехавшей к дому повозки. Выглянув в окно, я увидел двух мужчин, выходящих из элегантного экипажа, запряженного парой великолепных гнедых. Приехавшие были одеты в черную мягкую кожу – нынешнюю униформу большевиков. Они направились к крыльцу моего дома.

Вглядевшись, я признал обоих. Когда-то один из них, господин М., был моим хорошим приятелем и партнером по охоте. Сколько увлекательных историй, случавшихся во время прогулок по горам, нас тогда связывало! К сожалению, он примкнул к коммунистам, польстившись на какой-то пост в Туркестанской Советской республике. Ничего, кроме чувства презрения, теперь господин М. у меня не вызывал. Со вторым господином я никогда не был в близких отношениях, но занять должность председателя Народного комиссариата по делам земледелия в правительстве большевиков можно было лишь одним путем – предав свои прежние идеалы в обмен на сомнительные привилегии. Понятно, что и к этому господину я не испытывал дружеской симпатии. Надо сказать, я был весьма озадачен их визитом.

– Не удивляйтесь, Павел Степанович, нашему приходу, – сказал господин М., входя без стука в комнату. – Мы пришли по важному заданию правительства. Республика предлагает использовать ваше прекрасное знание Туркестана и ваш огромный опыт. Вам известна эта страна лучше, чем кому-либо еще...

Я прервал поток его дифирамбов:

– Ради Бога, не надо комплиментов! Говорите сразу по делу. Что вам нужно и какую информацию вы желаете от меня получить?

Господин М. переглянулся со вторым посетителем и выпалил:

– Расскажите нам об Устюрте². Как вы полагаете, его можно пересечь на машине?

Вопрос для меня был совершенно неожиданным и я удивленно спросил:

– Почему вы интересуетесь этой пустыней?

Теперь заговорил сотоварищ моего бывшего друга. Он кашлянул для солидности и произнес:

² Пустыня и одноимённое плато на западе Средней Азии.

– Туркестанский Совет народного комиссариата земледелия предполагает послать научную экспедицию для изучения этого района.

– Как?! – моему изумлению не было предела. – Научную экспедицию на Устюрт? Сейчас?! Вокруг идет война, специалисты разбежались! Уж не собираетесь ли вы набирать технический персонал для экспедиции среди рабочих и крестьян? – с иронией спросил я, и тут же до меня дошла истинная причина интереса коммунистов к Устюрту.

Сообщение между Туркестанской Советской Республикой и Москвой было прервано: на юге, на реке Амударье около Чарджоу, стоял британо-индийский контингент войск³ вместе с частями белых, и Среднеазиатская железная дорога была в их руках. На севере казаки атамана Дутова⁴ отрезали связь с Оренбургом, а в это самое время на востоке, в Семиречье, полыхало восстание против большевиков. В Туркестане на исходе были и боеприпасы, и стратегические запасы, – положение Советской власти здесь становилось критическим. Республика была окружена врагами со всех сторон. Мне стало понятно, что комиссары хотят открыть автомобильную дорогу через Устюрт, пустынное плато между Аралом и Каспием, к заливу Мертвый Култук, где можно встречать суда из Астрахани, которая была в руках большевиков.

Скрывать, что возможность связи через Устюрт существует, было бесполезно, так как комиссары сами рано или поздно поняли бы истинное положение дел. Мне было необходимо узнать об их планах, чтобы предпринять соответствующие контрмеры, потому я решил схитрить.

– Вам нужна не научная экспедиция, – прямо сказал я им. – Вы же хотите связаться с Москвой через Арал и залив Мертвый Култук.

Мои посетители сначала слегка смутились, но потом обрадовались, поняв, что могут говорить по делу открыто.

– Видите ли, – сказал председатель комиссариата земледелия, – мы действительно должны проверить этот путь – район малоизучен. Как, по-вашему, есть ли шанс проложить автомобильную дорогу через Устюрт?

– Конечно, и довольно легко, – ответил я.

– В таком случае, не возьмете ли вы на себя командование экспедицией? – спросил он, явно обрадованный моим ответом.

– Ни при каких обстоятельствах и ни за что! – я решительно отверг предложение председателя.

– Но почему? – воскликнули оба посетителя с удивлением.

Мой собеседник продолжал:

– Павел Степанович, я знаю вашу антипатию к большевикам. Вы можете взять в экспедицию своих людей. Советское правительство предоставит вам отличный, надежный автомобиль и все, что вы посчитаете нужным, а также достаточно денег для расходов. И, кроме того, ваше участие в этом предприятии будет щедро оплачено.

– Я слышал, что на Устюрте хорошая охота, – проговорил мой бывший друг М., неуклюже пытаясь склонить меня к положительному ответу.

– Премного вам обязан, – ответил я безразличным тоном.

– Все, что вам предлагается сделать, – это пересечь на автомобиле Устюрт, – продолжал уговаривать меня председатель. – Вы должны доказать, что это возможно. И написать отчет о дороге – это все!

– Послушайте, это уже было сделано много лет тому назад, – спокойно ответил я.

³ Отдельная группа британо-индийских войск, располагавшаяся в 1918–1919 гг. на севере Персии в Мешхеде.

⁴ *Дутов Александр Ильич* (1879–1921) – атаман Оренбургского казачества, генерал-лейтенант (1919). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Одним из первых в России, уже в октябре 1917 г., выступил против большевиков. Убит в Китае русскими агентами.

– Как?! Где и кем?! – воскликнули оба, не скрывая радости. Они чуть не прыгали от волнения, словно дети.

– Пойдите в бывшую контору генерал-губернатора и поднимете архивные документы за 1883 год, там вы найдете полное и детальное описание пути через Устюрт. Дорога была описана генералом Черняевым⁵, когда он весной того же года ехал в конном экипаже через Устюрт на коронацию императора Александра III. Он должен был быть там безоговорочно, согласно списку офицеров Российского государства. Сама дорога, места отдыха, колодцы – все это описано детально, и вы можете взять там всю необходимую вам информацию.

– Как же мы можем отблагодарить вас за столь важное сообщение? – спросил председатель, удивленный и обрадованный моей откровенностью. Господин М. тоже сиял от удовольствия. Конечно же, они не ожидали, что ответственное задание, полученное ими от коммунистической верхушки, решится так скоро и так просто. Оба уже предвкушали награду от своих хозяев за выполненную работу без траты времени и средств.

– Я знаю, что вы откажетесь от денег или чего-либо другого от Советского правительства, но взгляните на этот экипаж, – комиссар земледелия указал за окно. – Эта пара лошадей всегда будет в вашем распоряжении, если пожелаете куда-нибудь поехать.

– Например, на охоту, – не к месту вставил М.

– Извольте, но вы же знаете, что лошади и экипаж краденые. Эти вещи были «социализированы» у мадам Х., – сказал я, прерывая изъявление благодарности.

Такой ответ их смутил, и, наскоро попрощавшись, они удалились.

Рано утром следующего дня из моего дома вышли два человека. Один выглядел как бухарский еврей, с седой бородой и в грязном кафтане, другой был «товарищ» в черных штанах и кожаной кепке. Первый на самом деле был капитаном одной из гвардейских частей Русской армии, и путь его лежал через пустыню в штаб британо-индийского контингента. Другой был полковником артиллерии, и направлялся он на север к атаману Дутову. Оба они несли информацию о планах большевиков организовать снабжение Туркестанской республики через Устюрт.

Надежда комиссаров на автомобильное сообщение через пустыню умерла раньше, чем большевистская «научная экспедиция» состоялась. Пароход «Скобелев»⁶, переоборудованный в крейсер англичанами, оккупировавшими Баку, встал под парами в заливе Мертвый Култук на Каспии, а оренбургские казаки атамана Дутова подошли к Устюрту с севера. Рабоче-крестьянская республика была надежно отрезана от большевистского центра и могла рассчитывать только на собственные ресурсы.

Пару месяцев большевикам понадобилось для того, чтобы понять, откуда произошла утечка секретной информации.

В один из прекрасных октябрьских вечеров я отдыхал в кабинете после хорошего дня удачной охоты. Внезапно раздался визг тормозов, и какой-то автомобиль остановился возле моего крыльца. Выглянув на улицу, я увидел, как шестеро человек, с головы до ног затянутые в черную кожу и вооруженные винтовками, выпрыгнули из грузовика и направились к моему дому. Я не стал дожидаться их прихода, сразу поняв, зачем они приехали, поэтому, не теряя времени, бросился через веранду в сад. Пока красноармейцы входили в комнату, я уже перелез через забор в соседний сад и исчез без следа.

Два дня спустя, перебираясь с одной тайной квартиры на другую, мне пришлось идти по старому кварталу Ташкента. На ступенях мечети сидели двое русских, облаченных в белые

⁵ Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) – генерал-лейтенант (1882), член Военного Совета (1882–84, 1890). Генерал-губернатор Туркестанского края (с 25 мая 1882 по 21 февр. 1884).

⁶ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – видный русский военачальник, генерал от инфантерии (1881), генерал-адъютант (1878). Участник Среднеазиатских завоеваний Российской империи и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., освободитель Болгарии.

туники, на которых я не обратил никакого внимания. Лишь почувствовав холод приставленных к голове дул револьверов, я понял, что они сотрудники всесильной ЧК⁷.

У этих негодяев было по два револьвера, и они очень удивились, не найдя у меня при обыске никакого оружия.

Личности обоих чекистов мне были знакомы. Один работал некогда клоуном местного цирка, и теперь блестяще исполнял роль представителя революционного правительства рабочих и крестьян, задерживая и допрашивая любого, кого посчитает нужным. Другой – бывший приказчик из ташкентской лавки модных вещей, насколько я помню едва умеющий писать и читать, – стал революционным следователем! Такова была воля «Великой Хартии Свобод⁸» граждан «Самой Свободной Советской Республики»!

Меня допрашивали одновременно шестеро сотрудников ЧК, и каждый из них, задавая вопросы, картинно направлял на меня свой револьвер. Порой в мою сторону смотрели сразу все шесть дул револьверов, и раздосадованные следователи наперебой угрожали убить, если я не скажу правды.

Толпа вооруженных негодяев выглядела так смешно и глупо, словно мы находились не в ЧК, а на арене цирка. Подумав об этом, я не смог удержаться от улыбки, несмотря на смертельную опасность, грозившую мне.

– Чему ты улыбаешься?! – взбешенно спросил один из следователей. – Или не боишься расстрела?!

– Нет,нисколько, – ответил я спокойно. – Вы в поисках чудесного социалистического рая создали такие условия для существования, что жизнь для простого смертного потеряла всякую ценность.

Мой ответ привел следователя в замешательство: он не ожидал такой оценки «созидательного социализма».

Одним из инкриминированных мне документов было письмо, которое перехватили большевики. Оно было послано из Ферганы с вестовым полковника П. Г. Корнилова⁹, брата хорошо известного генерала¹⁰. Вместе с полковником мы снаряжали и отправляли группы офицеров для организации в Фергане кавалерийских отрядов из местных всадников для борьбы с большевиками. Несмотря на мои неоднократные просьбы не посылать ничего в письменной форме, педантичность несчастного Корнилова заставила его направить мне детальный отчет о расходах и рапорт о своих действиях в надежде, что его вестовой благополучно преодолит горы и посты Красной гвардии. В этом письме среди прочего была фраза: «Я послал капитану Б. скакуна».

Следователь, далекий от представления, что слово «скакун» могло иметь прямой смысл и относиться к лошадям – скакунам, рысакам и иноходцам, – увидел в нем какую-то тайну или кодовое слово и принуждал меня выдать скрытое в ней таинственное значение.

Не добившись никакого признания, они отправили меня в подвал ЧК, который уже заработал себе жуткую репутацию.

Коммунисты, которых я считал отвратительной накипью рода человеческого, негодяями, чуждыми туркестанской земле, тем не менее, захватили ее и деспотически распорядились ею. Сколько достойных людей погибло в этих подвалах!

⁷ ЧК – Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

⁸ *Великая хартия вольностей* – грамота, подписанная в 1215 г. английским королем Иоанном Безземельным. Ограничивала права короля, предоставляя некоторые привилегии рыцарству, верхушке свободного крестьянства и городам.

⁹ *Корнилов Петр Георгиевич* (1880–1919) – полковник. В 1918 г. принял активное участие в белогвардейской Туркестанской военной организации, тесно сотрудничал с английской разведкой при подготовке военного переворота.

¹⁰ *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870–1918) – русский государственный и военный деятель, один из основателей белого движения, генерал от инфантерии (1917).

Несмотря на то, что меня переполняли ярость и ненависть к моим врагам, жизненные потребности оказались сильнее. Было уже поздно, и чувство голода начинало серьезно беспокоить меня.

Окно подвала, забранное железной решеткой, находилось высоко, и я смотрел на него, размышляя, получу ли я вообще сегодня что-нибудь поесть. Неожиданно раздался стук, и через решетку на пол упал небольшой сверток. Приглядевшись, я увидел за решеткой улыбающееся лицо киргизского мальчика Керимбая, служившего в моих конюшнях.

Необъяснимым образом через огромные расстояния в любое время с удивительной быстротой новости распространяются среди киргизов быстрее, чем телеграммы. «Узун кулак» – (длинное ухо) – «киргизское радио», несомненно, помогло и мне. Весть о моем аресте разнеслась, как молния, и мне доставили сверток с едой из дома. Если бы еду передавали через «Красную гвардию», а не через окно, то бутерброды и фрукты были бы съедены охраной – большевики ведь не признают частной собственности.

Для врагов рабоче-крестьянской власти освещения не полагалось, и, как только стемнело, мне не оставалось ничего другого, кроме как лечь на голые доски широкой скамьи и попытаться заснуть.

Среди ночи я был разбужен звуком открывающейся двери, чьими-то шагами и светом. Вошли два сотрудника ЧК в сопровождении пары вооруженных красногвардейцев.

– Мы пришли сообщить вам, – сказали чекисты, – что вас решено расстрелять.

– Хорошо, расстреливайте, – спокойно ответил я.

Снова я увидел на их лицах выражение такого же тупого непонимания, какое заметил раньше у следователя.

Эти дурни, напичканные марксизмом, грубые, невежественные материалисты, понимали лишь животный страх смерти. Она в их глазах была полным уничтожением личности, и ничего страшнее этого не было на свете. Чекисты всерьез полагали, что напугают меня расстрелом, но, увидев, что угрозы не возымели действия, были совершенно сбиты с толку.

Позже для запугивания арестованных большевики начали применять пытки, используя для этого китайцев и латышей, так как боялись возможного протеста своих же красногвардейцев и местных сартов¹¹. Довольно часто заключенных пытали до смерти, к примеру, ошпаривая их кипятком. Называлась такая процедура «принятие душа».

О чем-то переговорив, красноармейцы и чекисты вышли, а я снова лег и проспал до утра.

Пару дней спустя, в 11 часов ночи, конвоиры вывели меня из камеры и доставили в большую комнату. Вокруг стола, накрытого красной тканью, сидела вся местная ЧК.

Торжествуя, комиссар протянул мне лист бумаги с длинным перечнем вопросов о «Заговоре против Правительства рабочих и крестьян»: «Кто был в заговоре?», «Откуда получали средства?», «Где спрятано оружие и каково его количество?», «Какие совместные планы с британо-индийским контингентом замыслились для вторжения на мирную землю Туркестанской Социалистической Республики?»

– Если ты детально и письменно ответишь на все эти вопросы, мы простим тебя, – сказал председатель. – Но если откажешься отвечать или дашь ложные показания, мы расстреляем тебя. Подумай хорошо над этим и к завтрашнему вечеру дашь нам ответ.

Пробежав глазами по списку вопросов, я улыбнулся, возвратил бумагу и сказал:

– Расстреливайте прямо сейчас. Я не могу ответить вам ни на один из вопросов, потому что все это – бред вашей фантазии. Нет никакого заговора вовсе.

¹¹ В. Бартольд считал сартов отдельным этносом оседлых тюрков, отличающихся от таджиков языком, а от кочевых тюрков – образом жизни. Л. Н. Соболев писал: Сартом называется безразлично и узбек и таджик, живущие в городе и занимающиеся торговлей.

– Подумай серьезно, – снова сказал председатель, – расскажешь правду – мы дадим тебе деньги, паспорт и тайно переправим через фронт!

«Мне известно, куда вы собираетесь отправить меня в любом случае», – подумал я и ответил:

– Не было никакого заговора. Просто несколько офицеров выехали в Фергану, спасаясь от вашего преследования, ведь вы убивали каждого, кто честно боролся за свою страну. Я дал им деньги на дорогу из своих собственных сбережений.

Не добившись признания, меня снова отправили в подвал на три дня, а затем перевели в тюрьму.

Тюрьма в те дни была совершенно такой же, как и в царское время, поэтому в ней после подвалов ЧК я почувствовал себя гораздо лучше, несмотря на то, что был заключен в одиночную камеру. На второй день кто-то в маленькое смотровое окошко в двери просунул местную газету. Там была напечатана заметка, в которой торжественно сообщалось, что заговор «белых бандитов», угрожавший диктатуре пролетариата, разгромлен, а зачинщики и главный организатор арестованы. Заметка была подписана большой группой народных комиссаров¹². Время показало, как они ошибались, поспешно демонстрируя победу новой власти!

Я провел в одиночном заключении месяц. Только однажды меня вывели для прогулки во двор под охраной двух вооруженных солдат. Общение с другими заключенными и с моими друзьями, сидевшими в этой же тюрьме, было исключено. Воздух в камеру попадал через небольшое окошко под потолком, забранное железной решеткой. Через него я мог видеть лишь маленький кусочек голубого неба.

Стояла прекрасная туркестанская осень, сухая, ясная и теплая, – время миграции огромных стай с далекого севера. Ночью я часто слышал голоса перелетных птиц. Свист маленьких уток-чирков, мелодичный трубный глас журавлей, гортанные «ханг-ханг» диких гусей – все эти звуки достигали и моей камеры. Птицы, наслаждаясь свободой, улетали в теплые края, не боясь дальних путей к Индии. Как страстно я желал улететь вместе с ними в эту удивительную землю чудес подальше от штормов и тревог революции! Я вспоминал старых друзей, которых любил с детства, представлял картины великолепной природы Туркестана, припоминал счастливые моменты своей охоты. И я прощался со всем этим, зная, что каждая ночь может стать для меня последней. Я даже не мог себе представить, что однажды, как и эти птицы, тоже последую по тому же маршруту и через те же горы, пробираясь в солнечные дали Хиндустана¹³.

Каждую неделю меня под усиленной вооруженной охраной водили на допрос в ЧК. Теперь новый следователь заново допрашивал меня. Это был настоящий военный юрист, перешедший на службу к большевикам, но в географии он был профаном, полагая, что город Мешхед¹⁴ находится в Западном Китае, а Кашгар – в Персии.

Два или три охранника всегда присутствовали на этих допросах. Это были простые русские парни, солдаты старой армии. Они рассказывали мне, что большевики пытаются заключенных с невыносимой жестокостью, поэтому решили присутствовать на допросах, чтобы предупредить бесчеловечное отношение к арестованным. В это время коммунисты «демократизировали» все и допускали солдат и рабочих во все Советы и организации власти. Отношения между этими молодыми солдатами и большевистскими властями были довольно напряженными.

В тюрьме вызов любого заключенного в ЧК рождал огромную тревогу. Иногда арестованные просто исчезали или возвращались назад в самом плачевном состоянии. Однажды меня

¹² Напечатано в «Нашей газете» 29 октября 1918 года.

¹³ Хиндустан – устаревшее название Индии.

¹⁴ Город на северо-востоке Ирана (Персии), где находилась военная база британо-индийской группы войск во главе с генерал-майором В. Маллесоном.

продержали в ЧК с утра до 10 часов ночи. Когда я вернулся в тюрьму, тюремщик, бывший городской извозчик, достаточно хорошо меня знавший, был очень обрадован, увидев меня живым. Он воскликнул:

– Доброго здравия, Павел Степанович! Вы вернулись здоровым и невредимым! Мы очень беспокоились. Даже в уголовной части никто не пошел спать, так они беспокоились за вас.

Тюремная пища была ужасной, в основном она состояла из овощной похлебки без мяса. Но те из заключенных, у кого были в городе родные и друзья, получали от них передачи, которые делили с сокамерниками, иначе многие погибли бы от голода. Еду обычно приносили женщины. Они с тревогой ожидали у ворот тюрьмы возврата посуды. Ведь часто охранники возвращали еду со словами: «Он не желает больше обедать!» Это означало, что заключенный был ночью расстрелян.

Однажды моя жена оказалась у ворот тюрьмы как раз в тот момент, когда меня уводили в ЧК. Ворота открылись, и я увидел ее и нашего маленького фокстерьера Дэзи. У меня сжалось сердце, когда я заметил, насколько жена осунулась от постоянного переживания. Она была взволнована, ведь мы впервые встретились после моего ареста. Дэзи тоже радовалась, вновь увидев своего хозяина; и с этого дня, когда моя жена приносила мне еду, сопровождающая ее Дэзи начинала неистово копать под воротами тюрьмы.

Маленькое умное животное отлично понимало, что я был насильно заключен в этом здании, и упорно пыталось добраться до меня, желая моего освобождения. Она так сильно повредила лапы и когти, царапая камни, что жена перестала ее брать с собой. Уходя, она привязывала собаку дома, и бедная маленькая Дэзи выла от огорчения.

Наконец в один из дней следователь сообщил мне, что мои допросы закончены.

– Будьте добры сказать, в чем меня обвиняют? – спросил я.

– Собственно говоря, конкретных обвинений против вас нет. Следствие ничего не выявило, – ответил он. – Тем не менее, вы известный враг советской власти и поэтому заслуживаете строжайшего наказания.

Позже я узнал, что Совет народных комиссаров создал специальный суд для решения моей участи. «Революционный полевой трибунал» состоял исключительно из судей пролетарского происхождения и рабочих-коммунистов. На этом процессе не было ни прокурора, ни адвокатов, так как перекрестный допрос обвиняемого считался излишним.

– Вас приведут в суд, где зачитают приговор, – сказал мне следователь.

По завершении следствия меня перевели из одиночки в общую камеру № 22. Среди заключенных я встретил друзей и товарищей, которые участвовали вместе со мной в заговоре против Советов. Одинаковая судьба ждала каждого из нас – быть расстрелянным. Казнь казалась неизбежной. Не так давно десять членов Конституционно-демократической партии были арестованы и преданы смерти по одной простой причине – они принадлежали к «буржуазной партии». В зимнюю ночь бедняг вывели раздетыми на тюремный двор и стали поливать холодной водой. Когда несчастные покрылись коркой льда, пьяные солдаты изрубили их саблями.

С друзьями в камере мы обсудили ситуацию и через несколько дней смогли наладить связь с нашими соратниками в городе и даже с жителями Ферганы, выступавшими против большевиков под командованием кадровых офицеров бывшей Русской армии. Это была не простая задача, ведь тюрьма усиленно охранялась.

Утром и вечером заключенных выводили на прогулку во внутренний двор. В старом здании тюрьмы было два двора. Внешний двор через тяжелые железные ворота выходил прямо на улицу. В нем размещались конторы, служебные помещения и склады. Во внутреннем дворе, отделенном от внешнего такими же металлическими воротами, располагались камеры, кухня и лазарет.

Ворота были всегда закрыты, их охраняли вооруженные часовые. Оба двора окружала массивная высокая каменная стена, в качестве дополнительной меры безопасности опутанная

рядами колючей проволоки. Вдоль стен непрерывно, днем и ночью, патрулировали караулы из красногвардейцев. Казалось, связь с внешним миром была для нас напрочь отрезана. Но моя дружба с местным населением и случай помогли преодолеть все препятствия.

Во внутренний двор выходило маленькое окно-люк тюремного магазина. Во время прогулки заключенные могли подойти к этому люку и купить табак, спички, сухофрукты, «нан», или местный хлеб, имеющий круглую форму лепешки, а также другие мелочи.

Старый сарт, державший этот маленький магазинчик, каждое утро приходил с носильщиком, тоже сартом, несшим на плечах мешок с товаром. При входе в тюремный двор содержимое мешка обязательно и быстро осматривалось тюремной охраной.

Когда меня переводили из одиночной камеры в общую, первоочередной заботой стало попасть в ту камеру, где сидел мой хороший друг из местных по имени Абдул Каспар. Он был влиятельным человеком, пользовавшимся уважением жителей Ферганы, поэтому, видимо, большевики и посадили его в тюрьму без какой-либо причины. По их мнению, он мог быть опасен для Советской власти.

Но Абдул Каспар, как выяснилось, содержался в камере для местных. Когда ему передали, что я тоже нахожусь в тюрьме, он обратился к комиссару с просьбой перевести его в камеру № 22.

– Почему туда? – спросил комиссар с удивлением. – Разве ты не знаешь, что там находятся преступники, приговоренные к смерти?

– Там мой хороший друг Назаров-бек. Мне хочется быть с ним в его последние дни на земле, – ответил Абдул Каспар по-восточному образно.

– Хорошо. Если хочешь, можешь даже в иной мир пойти вместе с Назаровым, – ответил комиссар с усмешкой.

Спустя три дня после перевода Абдула Каспара в нашу камеру он принес из маленького магазина несколько круглых «нан» и дал каждому из нас. Это была первая передача, которую мы получили извне.

Местный хлеб делается круглой формы. В середине тонкой части простым шаблоном выдавливается рисунок, при этом по краю лепешки образуется толстый слой теста.

В рисунке каждой лепешки Абдул Каспар без труда прочитал имя и адрес того, кому она предназначалась. В шаблоне использовались буквы арабского алфавита, а в толстых краях лепешек были скрыты письма от друзей и родственников.

Наша еда, приносимая из дома, тщательно проверялась охраной, иногда даже самим комиссаром. Хлеб всегда был изломан и порезан на куски. Но никто и никогда не слышал о том, чтобы лепешки, принесенные с базара для продажи заключенным, проверялись охраной. Кто бы мог заподозрить в грязном, одетом в рванье носильщике, который таскал тяжелый мешок с базара в магазин, сына Абдул Каспара – бывшего местного щеголя?

Спустя два дня этот молодой носильщик был заменен другим – старшим по возрасту и еще более оборванным сартом с безнадежно тупым выражением лица.

– Мадамин-бек¹⁵ просит ваших инструкций для дальнейших операций против большевиков, – сообщил мне Абдул на прогулке, отведя немного в сторону. – Его посыльный сидит в магазинчике, переодетый в бедного носильщика.

На следующий день во время прогулки Абдул Каспар, яростно ругаясь по-сартски и по-русски, бросился к окну магазинчика и швырнул внутрь лепешку:

– Вы собаки, а не правоверные мусульмане! Вы беднякам заключенным продали хлеб с тараканами! Вы хуже, чем собаки, ешьте его сами! Подавитесь, и будьте вы прокляты!

Потом он прокричал что-то по-таджикски. Этот язык хорошо знали в Фергане, но его не понимал никто из молодых красно-гвардейцев, дежуривших в лавке.

¹⁵ *Мадамин Ахметбеков* (1893(?)–1920) – один из организаторов и руководителей басмаческого движения в Туркестане.

Таким образом в лепешке были отправлены следующие инструкции и рекомендации Мадамин-беку в Фергану:

1. Взорвать железную дорогу, разрушить мосты и дороги, ведущие в Фергану.

2. Разрушить нефтяные вышки в Фергане и этим лишить большевиков топливных запасов для железной дороги.

3. Собрать сильную кавалерию на Кендырь-Даваньском перевале, которая пройдет из Ферганы прямо через горы к Ташкенту и нападет на советские части, когда поднимется мятеж в Ташкенте. Необходимо достичь города ночью и нанести тяжелый удар в тыл большевикам.

От наших друзей в городе мы получали хорошие новости. После недолгого замешательства, последовавшего за моим арестом, они возобновили подготовку к мятежу.

Часть рабочих города была против Советов и примкнула к нашей организации. Но я не особенно доверял им, подозревая, что они могут предать нас в самый решительный момент и перейти на сторону большевиков.

Весть о готовящемся мятеже ободрила нас. Остальных заключенных, не посвященных в наши планы, удивлял наш беззаботный вид и бодрое настроение. Хотя и для нас оставалось неясным: успеют ли большевики привести приговор в исполнение до начала восстания? Мы удивлялись, почему ЧК медлит. Судя по тюремным слухам, я стоял первым в расстрельном списке.

Позднее я узнал, что задержка была вызвана успешным продвижением британо-индийского военного контингента, действующего совместно с отрядами белых. Они были уже в Чарджоу на Амударье. Их прибытие в Ташкент было делом двух дней. С севера, как я уже упоминал, казаки двигались на юг, и в Семиречье в этот момент было восстание против большевиков. Туркестанская Советская Республика оказалась в незавидном положении. Комиссары, как огня, боялись казаков атамана Дутова и повстанцев, зная, что пощады от них не дождутся. Меньшей опасностью для большевиков были англичане, которые могли воздержаться от расправы над коммунистами. Кроме того, мои британские друзья информировали комиссаров, что если хоть один волос упадет с головы у кого-либо из политических заключенных, то с обидчиками не будут либеральничать и всех немедленно повесят.

Глава II Восстание

Жизнь в тюрьме текла монотонно и ужасно скучно, особенно это ощущалось долгими зимними вечерами. Дав охраннику сто рублей, чтобы он не обращал внимания на нашу камеру, мы, раздобыв керосиновые лампы, засиживались допоздна, коротая время в бесконечных разговорах.

Как-то в нашу камеру смертников вошел глава советского правительства в Туркестане Вотинцев¹⁶. Я знал его еще в то время, когда он был студентом Электротехнического института в Петрограде. Хорошо знал и его жену. Их принимали в нашем доме. Вотинцев, так и не закончив института, подался в ряды большевиков. Как видно, он стал одним из лидеров новой власти.

Я с трудом узнал его. Вместо юного, прекрасно выглядевшего, жизнерадостного студента передо мной стоял худой, бледный, постаревший, невротического вида человек, небрежно одетый, с грязными руками и нечесаными волосами.

Полагая, что я имею связи со штабом британских сил и осведомлен о планах их действий, он пришел ко мне прояснить ситуацию. Его страшила мысль о возможности захвата Ташкента британцами. Вотинцев не верил, что части Красной армии смогут оказать им серьезное сопротивление.

– Если британцы захватят весь Туркестан, не сделают ли они его, как Индию, своим доминионом? – спросил он меня с тревогой.

Я попытался объяснить ему полную невозможность последнего ввиду бесполезности нашего Туркестана для Британии.

– Но хлопок? Неужели у них достаточно хлопка для промышленности? – продолжал расспросы Вотинцев.

– Если британцам не будет хватать хлопка из Индии и Египта, не выгоднее ли его импортировать из США, чем из Туркестана? – вопросом на вопрос ответил я.

– Тогда что им здесь нужно? Почему британцы нацелены на Ташкент? – спросил он раздраженно.

¹⁶ *Вотинцев Всеволод Дмитриевич* (1892–1919) – председатель Туркестанского ЦИКа, член Верховной коллегии по обороне республики.

Неприятное лицо этого ренегата было столь перепугано, что я невольно улыбнулся, когда Вотинцев выходил из моей камеры. Но я тут же поспешил скрыть свою веселость, чтобы охрана ее не заметила. Было необходимо соблюдать осторожность.

Забегая вперед, скажу, что месяц спустя, в ночь с 18 на 19 января 1919 года, когда белые подняли мятеж в городе, Вотинцев вместе с другими комиссарами был убит¹⁷.

Я услышал об обстоятельствах его смерти от одного из белых офицеров, принимавшего участие в расстреле большевиков.

– Эти головорезы перед лицом смерти оказались жалкими трусами, – рассказал он. – К примеру, Вотинцев. Он упал на землю к моим ногам и, пресмыкаясь, умолял о пощаде. Обещал отказаться от своих ошибок и помогать нам в борьбе с коммунизмом! Он плакал как ребенок: «Мама, мама, как я хочу жить!». Я вспомнил, сколько людей они расстреляли в Туркестане и, без сожаления, пустил ему пулю в лоб.

Вскоре после визита Вотинцева, охранники информировали нас, что в подвалы ЧК помещен капитан А., прибывший из Ферганы. Он был одним из тех, кого я послал к полковнику П. Г. Корнилову. Я не мог поверить сообщению, так как у капитана под началом был вооруженный отряд из местных джигитов, и сдаться живым он не мог. Когда же новость была подтверждена, стало ясно, что большевики устроят мне очную ставку с капитаном, чтобы узнать о наших связях. Эта встреча могла стать для него фатальной. Я-то уже давно был приговорен.

Однажды утром меня привели в ЧК под усиленной охраной из десяти человек.

Вскоре в комнату ввели капитана А., было видно, что он подавлен своим провалом.

Я приблизительно знал, что он сказал на предварительном следствии, какую избрал линию защиты, как объяснял свое присутствие среди местных жителей Ферганы, где и при каких обстоятельствах был арестован.

В ожидании начала допроса наши охранники затеяли глупейшую дискуссию, ругая капитализм, буржуазию, угнетавшую рабочий класс и тому подобное. Я ввязался в их разговор, сделав несколько провокационных замечаний. Они набросились на меня, горячо доказывая свою правоту. Для большевиков я был непримиримым противником и «классовым врагом». Во время этого краткого спора я пытался сообразить, в чем меня обвинят, как мне защищаться и как должен вести себя с капитаном А. Он, поняв мои намерения, тоже вступил в оживленную дискуссию. Благодаря нашему спору с этими глупцами, мы быстро выяснили друг у друга все, что нам было нужно, и когда следователь вошел в комнату, уже знали, что отвечать и как говорить с ним.

После этого допроса капитана бросили в нашу камеру № 22, что означало одно: его судьбу решит пуля.

А. поведал нам печальную историю о том, как он попал в руки большевиков. Капитан и еще один офицер Р. со своим четырнадцатилетним сыном были в отряде Мадамин-бека, успешно проводившим операции против большевиков, рассеивая воинские соединения красных одно за другим.

Однажды они услышали, что Мадамин-бек собирается напасть на русскую деревню Мын-Тюбе. Надо признать, что у него для этого были веские основания. Поселение располагалось на землях, отнятых у коренного населения царским правительством, да и сами переселенцы были отчаянными головорезами, бежавшими из Центральной России, где оставаться им становилось опасно. Они притесняли здешнее население, ненавидевшее переселенцев за постоянные оскорбления.

¹⁷ После начала мятежа военком Туркестанской республики Константин Осипов провозгласил себя военным диктатором. Вечером 18 января председатель ЦИК В. Д. Вотинцев, председатель Ташкентского совета Н. В. Шумилов, его заместитель В. Н. Финкельштейн, а также председатель Туркестанского ЧК Д. П. Фоменко приехали к Осипову выяснить обстановку. Он отдал приказ о расстреле комиссаров.

Русские офицеры пытались отговорить Мадамин-бека от его намерений, которые могли быть фатальными во всех отношениях, не говоря уже о неизбежной потере доверия русских поселенцев к восстанию, так успешно начатому коренным населением против большевиков. Я думаю, что Мадамин-бек сам понимал это, но не мог удержать своих сторонников. Когда все попытки увещевания были исчерпаны и нападение уже совершенно точно было предрешено, А. и Р. со своим сыном, покинули отряд и поскакали в Мын-Тюбе, где предупредили жителей о предстоящем нападении. Жители Мын-Тюбе были не особенно уверены в своих силах, поэтому они попросили помощи у советской власти. Но пока эта помощь в виде отряда Красной армии в сопровождении комиссара ЧК прибыла, нападение киргизов уже было отбито с большими потерями со стороны нападавших.

Жители Мын-Тюбе сполна подтвердили свою дурную репутацию. Первым делом по прибытии красных войск они передали с рук на руки агентам ЧК своих спасителей А. и Р., как «имперских офицеров». Даже командир красного соединения был удивлен таким поступком.

Двумя годами позже меч Немезиды сделал свое дело. Поселение Мын-Тюбе было захвачено отрядом местных басмачей и все дома были сровнены с землей, а жители порублены саблями.

Бедный капитан А. был подавлен и удивлялся нашему бодрому состоянию духа.

– Благодарю вас, господа, – говорил он. – Ваша забота и вера в благополучный исход могут поддержать меня, но все это бесполезно, ведь все мы, без сомнения, скоро умрем.

Мы успокаивали его, рассказывая о приготовлениях к восстанию, о нашей надежде на освобождение, несмотря на грозящий нам расстрел.

Через тайную почту, приходящую через магазин, нам сообщили, что дата начала восстания скоро будет определена. Это известие нас обрадовало, и мы сами принялись разрабатывать планы освобождения из тюрьмы.

Наши друзья на свободе получали сведения через девушку, которая работала машинисткой в ЧК и к тому же имела возможность добывать бланки документов с официальными штампами и подписями комиссаров. Так был написан приказ тюремной администрации прислать всех заключенных камеры № 22 в ЧК. Конвой, составленный из десяти наших людей, переодетых в красноармейскую форму, должен был доставить этот приказ в тюрьму в обеденный час, когда комиссары уходили на трапезу. На месте оставался лишь один секретарь, дежуривший у телефона на случай экстренных звонков. Оставалось выбрать день и обозначить дату на приказе.

Как-то в эти дни ожидания мне представилась прекрасная возможность побега. В то утро я был доставлен в ЧК для допроса, но держали меня там до поздней ночи, где я отвечал на бесчисленные вопросы следователя. Когда, наконец, они меня отпустили и я вышел в коридор, все мои конвоиры крепко спали. Можно было незаметно выйти на улицу и скрыться в темноте ночи: в то время не было уличного освещения. Но я знал, что мое исчезновение вызовет переполох в тюрьме и навлечет на моих товарищей чрезвычайные репрессивные меры, сделав общий побег невозможным: с них начнут просто «взимать за расходы», как цинично назывались здесь тайные пытки заключенных.

Во время прогулок в тюремном дворе я познакомился с двумя интересными туркменами, привезенных из Транскаспийской провинции. Первый – чрезвычайно высокий молодой человек, чей рост превышал два метра! Он ужасно страдал от голода, у него здесь не было ни друзей, ни денег, а тюремная еда была невыносимо плохой. Я начал делиться с ним обедом, и бедный парень быстро восстановил силы. Он был из богатой семьи и гордился тем, что собственноручно срубил саблей немало количество голов красноармейцев и комиссаров. Я представил себе, как величественно выглядел этот молодой гигант с ятаганом в руке верхом на великолепном туркменском скакуне! Захватили его не в честном бою, а был он предательски схвачен во время перемирия вместе со своим другом, влиятельным туркменом по имени

Джунаид-хан¹⁸. Большевики не считали себя связанными обещаниями, данными «классовым врагам», и потому арестовали их во время намаза в мечети.

Его друг, второй заключенный, Джунаид-хан, был человеком пожилого возраста, вождем десяти тысяч туркменских семей, которых он вывел из Афганистана на Российскую территорию много лет назад. Он пользовался непререкаемым авторитетом среди своих соплеменников. Даже здесь в тюрьме его адъютант, прекрасно выглядевший туркмен с длинной черной бородой, был рядом с ним. У Джунаид-хана тоже не было никаких денежных средств, и я предложил ему воспользоваться нашей секретной почтой для получения денег с воли от его сторонников. После этого Джунаид-хан начал усиленно уговаривать меня уйти с ним в туркменские степи, как только мы освободимся.

– Я дам тебе все, что захочешь, – убеждал он меня. – Войлочный шатер с коврами, утварью и скотом, прекрасных лошадей бадахшанской породы. Они есть только в Афганистане! Их вывоз оттуда строжайше запрещен!

Одно время я даже серьезно подумывал уйти с ним, но мои обязательства перед «белым» движением держали меня в Туркестане. Джунаид-хан при первом же удобном случае снова вернулся в степи Туркмении, и вел жестокую и непрерывную войну против большевиков за свободу своего народа. В конце концов, потерпев поражение, он ушел с большими силами в Персию, и уже оттуда вынужден был бежать в Афганистан. В течение одиннадцати лет Джунаид-хан, не имея помощи со стороны, в одиночку продолжал неравную схватку. Несмотря на свой возраст, он не сложил оружия, не уступил заманчивым предложениям советского правительства, упрямо отстаивая свою свободу, свою религию и свои обычаи. Все эти годы Джунаид-хан со своими джигитами наводил ужас на большевиков. Жаль, что его прекрасному примеру не последовали русские люди, живущие в Туркестане и не согласные с новой властью.

Наконец, после многочисленных задержек, приносящих нам горькое разочарование и отнимающих последние надежды, день или, вернее ночь предполагаемого восстания была назначена на канун Нового года. Предполагалось, что все комиссары будут пьяны.

С каким нетерпением мы ждали этот день! Но тут возникла новая отсрочка по каким-то непредвиденным причинам, и наши сердца сжались от предчувствия скорой казни. Ведь ЧК, думали мы, может исполнить смертный приговор именно в канун Рождества, чтобы напомнить населению, что красный террор все еще в силе. Кроме того, рассуждали мы, тюремная охрана в праздник будет непременно пьяна и может по собственному усмотрению решить разобраться с «контрреволюционерами и врагами пролетариата».

Основные силы подпольной организации, готовящей восстание, были сформированы из офицеров старой армии, местной молодежи и части красного гарнизона, под командованием офицера по фамилии Осипов¹⁹. Мне говорили, что и некоторые рабочие готовы были принять участие в восстании. Я боялся, что среди них мог легко затесаться провокатор, способный выдать наши планы большевикам.

Третьего января наша секретная почта принесла хорошие новости о том, что дата восстания определена на 6-е января – канун Крещения – важный праздник в России. Эта ночь для верующих людей полна мистического смысла, в эту ночь в селениях на всех воротах, дверях и окнах рисуют кресты. Девушки гадают, пытаются узнать свою судьбу и будущего супруга.

Мы же надеялись, что утром 6-го января, счастливо выпавшее на воскресенье, наша тюрьма будет взята штурмом, и мы получим долгожданную свободу.

¹⁸ Джунаид-хан – *Мухаммед-Курбан Сердар* (1857–1938) – один из руководителей басмачества в Хорезме и в Туркмении.

¹⁹ *Осипов Константин Павлович* (1896–1919) – подпоручик, коммунист. В 1918 г. окружной военком Туркестанского военного округа, нарком по военным делам Туркестанской АССР (1.05.1918–19.01.1919). В январе 1919 г. возглавил антисоветский мятеж в Ташкенте. После подавления мятежа с небольшим отрядом скрылся в горах, позже бежал за границу и по дороге убит напарником.

Приближался не только час освобождения, но и миг торжества белого движения, свободы, порядка и христианских идеалов над темными силами большевизма. Все мы уже предвкушали наступление того сладкого часа, когда будем в силах отомстить этим детям ада за то зло, которое они принесли нашей стране. И в то же время чувство тревоги не покидало нас: что-то могло пойти не так, как было задумано. Могла возникнуть любая непредвиденная помеха до наступления одиннадцати часов, контрольного времени начала восстания. Но в душе мы не сомневались в успехе.

Накануне вечером мы разработали план операции, распределили роли каждого из нас, если вдруг придется принять непосредственное участие в схватке.

Утро 6-го было прекрасным и ясным, легкий иней покрыл ветви деревьев. Во время утренней прогулки по тюремному двору мы получили нашу обычную почту через магазинчик с новостями о том, что тюрьма будет окружена ночью, и штурм начнется в десять часов утра.

Тюремный комиссар, словно предчувствуя назревающие события, ходил среди заключенных, внимательно приглядываясь к ним. Наконец он собрал нас вокруг себя и объявил, что в тюрьму занесли «испанку»²⁰. Двое заключенных в уголовном отделении умерли вчера, поэтому все сношения с внешним миром с этого дня не допускаются. Также запрещаются передачи пищи из дома на неопределенное время, и мы должны будем довольствоваться только тюремной едой.

– Вы не можете винить рабоче-крестьянское правительство во всех тех несчастьях и лишениях, которые сейчас испытывает наша страна, – сказал он в заключение. – В этом виновата сама история.

«Кто ты такой, чтобы снимать вину за все нынешние грехи со своих приятелей-коммунистов?» – подумал я.

«Ничего, негодяй, через несколько часов ты будешь болтаться на ближайшем тополе», – этими мыслям я не мог не улыбнуться.

²⁰ «Испанка» – самая массовая пандемия гриппа (1918–1919) за всю историю человечества в абсолютных цифрах как по числу заразившихся, так и умерших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.